

ЦЕННОСТИ ПРАВОСУДИЯ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация.

Антропологический подход к изучению правосудия позволяет учитывать человеческий фактор как в процессе формирования конкретно-исторической модели правосудия, так и в процессе его отправления. В обоих случаях свободный человек выступает в качестве субъекта правосудия. Правосудные интересы личности могут быть удовлетворены только надлежащей организацией правосудия, определяемой как правовыми, так и социокультурными ценностями его модели. При этом ценностные начала должны определять нормативную, институциональную, функциональную и субъектную составляющие правосудия.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, международное право, национальное законодательство, право, субъект правосудия, ценности правосудия, нравственные качества судьи, человекоразмерный подход, юридическая антропология

Правосудие выступает явленной формой жизни права, при этом остается одним из важнейших элементов правовой системы и правовой культуры общества, и соответствующим объектом правосознания. Оно несомненно является государственно-правовой ценностью уже этимологически и по определению, как противостоящая другим, нецивилизованным способам разрешения юридически значимых споров и конфликтов, основанным на произволе, а не на праве. Однако, для того, чтобы фактическое его состояние

(сущее) в институциональном и функциональном плане соответствовало надлежащему по определению (должному), ему надлежит быть основанным на социокультурных и формально-юридических ценностях. В современности последние закреплены в большинстве национальных правовых систем (включая российскую) и международном праве, однако для их воплощения необходима не только легализация, но и легитимация.

До осознания этой необходимости человечество прошло длительный путь, включавший и самосуд, базировавшийся на «кулачном праве», с которым государство боролось, вытесняя, запрещая и постепенно расширяя свою юрисдикцию. Становление и легализация ценностей правосудия, выраженных прежде всего в принципах его организации и осуществления (формальное равенство свободных субъектов, независимость суда и несменяемость судей, гласность, публичность и состязательность судопроизводства, примирительные процедуры, доступность правосудия, справедливость судебных решений, нравственная и профессиональная пригодность судьи и т.д.) проходили в истории поэтапно, являя собой необходимые, по выражению академика В.С. Нерсесянца, «исторически сменяющие друг друга формы и ступени роста ...» как и само право, поскольку правосудие выступает, в частности, производным последнего. Разделяя данную позицию В.С. Нерсесянца, хотелось бы уточнить, что методологическую основу изучения в первом приближении названной проблемы, в целом, и составила, прежде всего, либертарно-юридическая аксиология, основы которой В.С. Нерсесянц изложил в своем труде «Философия права»¹. Вместе с тем, нельзя не отметить, что на становление и историческое развитие реальной отечественной модели организации правосудия оказывали влияние и другие разнообразные факторы: этнографический, конфессиональный, сословный, поликультурный,

*Кандидат юридических наук, профессор, доцент факультета права Национального университета «Высшая школа экономики»; профессор кафедры истории государства и права Института права и национальной безопасности РАНХИГС

¹См.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М. 2009 и др. изд.

идеологический и прочие. Однако нельзя не учитывать, что потенциал не юридических, а иных социогуманитарных ценностей релевантных правосудию, остающийся до сих пор фактически не исследованным, несомненно важен и актуализирован сегодня потребностью в совершенствовании отечественного правосудия с учетом особой социокультурной ситуации в современной России, сохраняющей, как и в исторически предшествовавшие периоды, характер многонационального, полиэтнического, мультиконфессионального (с точки зрения верований различных групп населения), общества и государства, значительная часть народа которого сегодня переживает к тому же возрождение религиозно-духовного сознания. Такой междисциплинарный подход к исследованию позволяет расширить нормативную составляющую как самого феномена и явления правосудия, так и его научного познания за счет привлечения разнообразных традиционно признаваемых обществом, но официально почти не востребованных в институтах государства ценностей.

И, в этой связи, вполне своевременным становится и привлекающий в наши дни множество исследователей - юристов «человеко-размерный», антропологический поход к исследованиям права и от него производных категорий, в частности, правосудия. Он абсолютно необходим, учитывая социальную природу правосудия, как созданного людьми и существующего для людей, удовлетворяя человеческие потребности в правом, справедливом суде. Как оказалось, именно в XX веке стало возможным признание, легализация и легитимация прав человека в качестве высшей ценности (относительно ценностей государства и общества), на национально-правовом и международно-правовом уровнях. В этой связи, можно согласиться с авторитетным мнением профессора А. И. Ковлера: «Права и свободы человека и гражданина – это та, возможно единственная, ценностная система, которая способна примирить человека с окружающим его обществом и с государством, преодолеть их взаимное отчуждение... Мое право на достойное существование, на уважение меня как личности, равно как и право мне

подобных, становится единственной ценностью, связывающей меня с правовым порядком»². Здесь уместно напомнить, что международно-правовые гарантии прав человека и были закреплены в актах прошлого века: во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Европейской концепции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года и в других международно-правовых актах: гражданин любого из существующих государств, исчерпав все возможные способы защиты, предоставляемые национальным правом, имеет право обратиться к международным, надгосударственным органам защиты, в том числе не исключается возможность обратиться и с иском против своего же государства.

Антропологический подход к праву - это и есть его «человеческое измерение», оно имманентно прежде всего культурологическому содержанию всей совокупности правовых явлений. При этом «человеческое измерение» применимо как к изучению правосудия в качестве института, так и в качестве функции. Свободный человек в правосудии выступает всегда как субъект, но в разных ипостасях: и в установлении его как правового института, и в реализации его как функции, и как участник отдельных видов судопроизводства, в которых осуществляется правосудие, а потому качественно-культурные свойства субъекта правосудия будут влиять и на ценностные характеристики, в целом, соответствующей модели правосудия. При этом антропологический подход к праву (и его производным, в частности, правосудию – Н.Н.Ефремова) в эпоху постмодерна, основанный на ряде принципов, справедливо определяемых профессором И.Л. Честновым, в ряду прочих, как признание «противоположности мышления и бытия», «необходимости радикального пересмотра методологических

² Ковлер А.И. Антропология права: учеб. для вузов. М.: Норма, 2002. С.47.

установок: от субъект-объектного к субъект-субъектному, включающему в себя субъект-объектное», «стремлении обнаружить истинное в опыте», признании в качестве начального пункта "познания права – «живое право», т.е. правосознание единичного индивида», а также сфокусированности внимания ученых «на исследование обычая, договора, судебного прецедента» и признании субъектом права человека как индивидуальности³, позволяет выявить соотношение ценностных ожиданий людей и реального отклика на них в конкретно-исторической модели правосудия, а также наметить пути совершенствования последней с опорой на исторический опыт или рецепирование зарубежных моделей, форм права, институтов юстиции, судопроизводственных процедур и т.д.

Формально ценности правосудия определяются и в российском законодательстве, они выражены, прежде всего в правовых нормах и принципах судостроительства и судопроизводства, а также процессуальных правах и гарантиях личности, причем в соответствии с высокими стандартами правового государства и соответствующими актами международного права.

Система и принципы организации судебной власти установлены в главе 7 Конституции РФ. В ней указывается главная и исключительная функция суда – осуществление правосудия, и определяются процессуальные формы осуществления судебной власти посредством отдельных видов судопроизводства. Статья 118 Конституции РФ, закрепляя исключительное право отправлять правосудие и недопущение осуществления его иными внесудебными органами исходит из того, что судебная деятельность осуществляется в особом правовом процессуальном порядке, не предусмотренном для иных форм государственной деятельности.

Система федеральных органов судебной власти, порядок их организации и деятельности сформированы на основании специальных федеральных

³ См.: Честнов И.Л. Понимание права в эпоху постмодерна. // Правоведение. 2002. № 2. С. 22-23.

конституционных и федеральных законов, как-то: Федеральный конституционный закон «О судебной системе» 1996 г. (с последующими изменениями и дополнениями), Закон РФ «О статусе судей» 1992 г. (с последующими изменениями и дополнениями) и др. Установленные ими основные положения формально соответствуют типу правового государства как демократические начала организации деятельности суда в интересах граждан, общества и государства. Конституционные принципы правосудия юридически гарантированы, в частности, в главе 7 Конституции, и к ним в первую очередь относятся следующие: 1. принцип законности правосудия (в качестве универсального); 2. осуществление правосудия только судом (часть 1 статьи 118); 3. осуществление судебной власти посредством конституционного, гражданского и уголовного судопроизводства; 4. установление судебной системы РФ Конституцией РФ и федеральным конституционным законом, запрет на создание чрезвычайных судов; 5. независимость судей и подчинение их только Конституции РФ и федеральному конституционному закону; 6. несменяемость судей; приостановление или прекращение полномочий судей возможно лишь на основании и в порядке, установленном федеральным законом; 7. неприкосновенность судей; привлечение их к уголовной ответственности – не иначе, как в порядке, установленном федеральным законом; 8. открытое разбирательство дел в судах (за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом); 9. не допущение заочного рассмотрения, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом; 10. осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон; 11. судебная система включает конституционный суд, верховный суд, а также другие федеральные суды; 12. доступность правосудия, доступность судебной защиты, гарантированность каждому защите его прав и свобод (часть 1 статьи 46); 13. никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (часть 1 статьи 47); 14. соответствие

процессуальной процедуры (в том числе в уголовном процессе) общепризнанным принципам и нормам международного права в области прав человека, таким как состязательность, презумпция невиновности, право граждан на суд присяжных, предоставление обвиняемому права на квалифицированную юридическую помощь и др. (часть 3 статьи 46, часть 3 статьи 123, статьи 48, 49, 120). Все они выражают признанные ценности правосудия, соответствующие надлежащей его модели. Помимо того, важнейшие основания организации правосудия, и в том числе процессуальные права и гарантии человека, установлены рядом международных актов, признанных в Российской Федерации. В частности, Всеобщей декларацией прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, которая среди прочих провозглашает такие права: 1. «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию.» (статья 5); 2. «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона.» (статья 7); 3. «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.» (статья 8); 4. «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.» (статья 9); 5. «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом.» (статья 10); 6. «1.Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» и «2.Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за

бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено.» (статья 11).

Обязательства государств по гарантиям процессуальных права личности установлены также в Международном пакте о гражданских и политических правах, принятом в 1966 г., участником которого является Россия. Так, в п.3 статьи 2 части II Пакта установлено, что государство обязуется: «а) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве; б) обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любыми другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты; с) обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются.»

В Пакте в современной интерпретации содержатся ставшие уже историческими, но не потерявшими актуальности и традиционно воспроизводимые положения Habeas corpus act 1679 г. о правах человека на свободу и личную неприкосновенность, законности процедуры задержания и срочности предъявления ему обвинения, срочном порядке доставления к должностному лицу (судье), на законном основании осуществляющему судебную власть, на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Лишенный свободы вследствие ареста или содержания под стражей имеет право на разбирательство дела в суде и безотлагательное вынесение постановления относительно законности его задержания и распоряжения о его освобождении, если задержание незаконно. Статья 10

Пакта устанавливает также, что «лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности», а статья 14 – равенство всех лиц перед судами и трибуналами и презумпцию невиновности. Особые гарантии установлены в статье 14 и для лиц в случаях их уголовного преследования: быть судимым в его присутствии, право на защиту собственную или посредством защитника, в том числе безвозмездную при наличии особых условий, допрашивать свидетелей, свидетельствующих против него, бесплатную помощь переводчика по необходимости. Не быть понуждаемым к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным, на недопустимость вторичного суда или наказания за преступление, за которое был окончательно осужден или оправдан по закону и др.

Право на справедливое и публичное разбирательство дела (здесь следует учесть, что допускается запрет на присутствие публики и прессы на судебных заседаниях «по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе...», а также в случаях защиты интересов несовершеннолетних или для защиты частной жизни и при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия») и в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, было установлено и в ст.6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года. Имеются и другие международные, наднациональные и региональные акты, предусматривающие гарантии процессуальных прав личности.

Важно отметить, что большая часть современных национальных и международно-правовых ценностей организации правосудия была признана законодательствами многих государств еще в период формирования их конституционных основ, т.е. уже в XVI-XIX вв., а отдельные даже раньше, в ходе средневековых судебных реформ, утверждавших судебно-процессуальные права-привилегии для высших сословий.

Следует сказать и о месте и роли ценностей правосудия в правовой культуре, в частности, их важном значении для формирования профессионального правосознания участников правоприменительного процесса и массового сознания всех действующих и потенциальных субъектов правосудия, или судебного права, в целом. Так, например, одним из факторов, способствовавших перевороту в массовом и профессиональном правосознании российского общества явилась подготовка и последующее проведение либерально-демократических реформ в Российской империи 60-х гг. XIX в., причем прежде всего судебной.⁴ При ее проведении в царском указе о введении в действие Судебных уставов от 20 ноября 1864 г., установивших формально независимую судебную власть и организационно-правовые основы ее осуществления, была объявлена задача реформы: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утверждать в народе ... уважение к закону». Что, в значительной мере было осуществлено на значительной части территории государства. Здесь, в первую очередь, необходимо подчеркнуть, что Судебные уставы провозгласили ряд ценностных принципов: состязательности, гласности процесса, а также нормативно не оформленного, но фактически обеспеченного – доступности суда населению. Последний достигался созданием территориально-доступных для подданных участков мирового суда и учреждением специальных и не совпадавших с административными, судебных округов для судов общей юрисдикции, также определяемых в соответствии с численностью проживавшего населения. Доступность суда обеспечивалась и сохранением особых судебных и квази-судебных органов и лиц, осуществляющих правосудие в так называемых национальных окраинах, и сословных выборных волостных судов для крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, что обуславливалось

⁴ См. об этом, например: Ефремова Н.Н. «Справедливость как фактор развития правосознания и правовой культуры в России» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2/2013. М.С.3-11.

имперским устройством государства и сохранением сословного строя. Она обеспечивалась также и предоставлением бесплатной помощи переводчика в процессе для лиц, не владевших русским языком, и бесплатной защитой адвоката для лиц, «находящихся в бедности», и др. Вместе с тем, новые прогрессивные либерально-демократические начала судеустройства и судеустройства вводились не во всех регионах России, что было в значительной мере детерминировано социокультурными, экономическими, этническими и конфессиональными их особенностями, а также традиционным устройством их юридического быта, отличительными свойствами правосознания и ментальности. Поэтому для так называемых окраинных территорий и отдельных местностей сохранялись старые традиционные судебные или квази-судебные органы и лица, наделенные судебными функциями и решавшие дела на основе адата, шариата или локальных правовых обычаев так называемых «инородцев», с учетом этнических, религиозных, прочих социокультурных, экономических и политических региональных особенностей, сохранялся и в коренных территориях, но уже в интересах крестьянского сословия особый волостной суд, применявший в судопроизводстве местные правовые обычаи. Вследствие этого, судебная система империи и в ходе «Великой» реформы не приобрела единства и не способствовала утверждению единого правопорядка, что в прочем позволяло сделать суд более доступным, приблизить его к населению, обеспечить судебную защиту отдельным категориям населения в традиционных формах с учетом их понимания и потребности.

Следует заметить, что качество достигаемого результата в создании прогрессивной модели правосудия во многом обусловлено теми основаниями, которыми руководствуются субъекты правоприменительной деятельности, в данном конкретном случае – судьи. Вместе с тем, очевидно, что также оно зависит от личности судьи, наделенного как профессиональными, так и соответствующими индивидуальными,

нравственными, этическими, человеческими свойствами. В России начало формирования профессии судьи и определения, наряду с нравственными (учитывавшимися и прежде), новых, профессиональных требований к кандидатам на эту должность было положено судебными реформами Петра Великого в первой четверти XVIII в. Тогда впервые была сделана попытка отделения судебных органов от административных на местном уровне государственного управления, в силу чего судебные функции стали осуществлять специально назначаемые должностные лица. Поскольку в XVIII в. юридическое образование еще только зарождалось, к кандидатам не предъявлялось требование его наличия, но ряд других цензов, наряду с формально-юридическим - профессиональной пригодностью, а также моральных, этических, мировоззренческих и прочих законодателем уже устанавливался. Так, в частности в указах 1722-1724 гг., называемых «Зерцалом правосудия», были установлены следующие: «быть честным, совестным беспорочного жития людям и потребное к отправлению судейской должности искусство иметь...».

При этом, законодательство Петра Великого содержало и другие предписания как юридического (справедливости и соблюдения законности в качестве преграды господствовавшему до реформ судейскому произволу), так и неюридического, а религиозно-нравственного, этического характера (богобоязненность, бескорыстность, беспристрастность и пр.), нацеленные на совершенствование профессиональной деятельности судей и утверждение авторитета судьи. В связи с последовавшей после смерти Петра Первого судебной контрреформой и очередной попыткой институционального отделения местного суда от администрации, предпринятой Екатериной Второй, задача профессионализации статуса судьи и улучшения его нравственно-духовного облика вновь стала актуальной. В частности, особые требования были предъявлены к судье Совестного суда, ставшего новой гуманной моделью правосудия. Именно под влиянием гуманистических идей Просвещения, Екатерина Великая и ввела таковой в качестве «особенного»

суда в имперскую судебную систему на основании Учреждений для управления губерниями 1785-1780 гг. В своих решениях по особым категориям дел, относившихся к его подсудности, судья совестного суда мог руководствоваться не законом, а основывать решение на собственном усмотрении, в соответствии с собственным правосознанием и «естественной справедливостью». Статья 397 указанных «Учреждений» определяла принципы его деятельности: «человеколюбие ...почтение к особе ближнего, яко к человеку...отвращение от угнетения или притеснения человечества...».

Более высокие профессиональные цензы для судей и иных служащих юстиции были установлены и упомянутыми выше Судебными уставами 1864 г. Вместе с тем, следует оговориться, что ограниченный объем публикации не позволяет остановиться подробнее на этих и иных исторических отечественных примерах ценностных, а в отдельных случаях, и антиценностных качеств правосудия и его субъектов.

Однако, как показал опыт судебной реформы 1864-1899 гг., логически правильно сконструированная с точки зрения институциональной и функциональной ее организации, даже опирающаяся на традиционные и, в известной степени, воспринявшая универсальные ценности и прогрессивные принципы модель суда, но не учитывавшая особенностей политической, экономической, социально - культурной и даже ментальной среды ее бытования, не сможет обеспечить своей главной задачи - надлежащего отправления правосудия. В то же время, известно, что ряд традиционных универсальных ценностей, формально определяющих природу суда в демократическом правовом государстве, и в современной России пока не имеет достаточного обеспечения, и в силу этого граждане наблюдают в течении последних десятилетий перманентную судебную реформу. Вместе с тем, дальнейшее совершенствование организации правосудия несомненно

требует учета, исторически накопленного как позитивного, так и негативного опыта.

.